

DOI 10.23859/2587-8344-2017-1-2-4
УДК 930:94(430),085

Олег Эдуардович Терехов
Доктор исторических наук, профессор
Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия
terehov1968@mail.ru

Освальд Шпенглер: «консервативный революционер» в эпоху кризиса классического модерна

Аннотация. В статье рассматриваются политические и философско-исторические взгляды Освальда Шпенглера как идеолога немецкой «консервативной революции» в Веймарской республике. Утверждается, что кризис мировоззренческих и идейных основ германского консерватизма после 1918 года привел к появлению «реакционного модерна», особенностью которого стало использование модернистской манеры для утверждения непримиримого антимодернизма. На анализе основных трудов Шпенглера показывается теоретико-методологический и эвристический потенциал концепции «реакционного модерна» применительно к идеологии «консервативной революции» и схожих с ней идейных феноменов.

Ключевые слова: Освальд Шпенглер, «консервативная революция», модерн, Веймарская республика

Введение

Германский историк Детлеф Пойкерт озаглавил свою известную работу по истории Веймарской Германии «Веймар. Кризисные годы классического модерна»¹. В этом заглавии Пойкерт довольно точно выразил суть духовных, политических, социально-экономических и социокультурных процессов, происходивших в Европе в межвоенный период. Первая мировая война «похоронила в окопах» либеральный образ бесконечного и поступательного исторического прогресса. Европейская цивилизация столкнулась с жестким кризисом идентичности. Проект модерна, программа модерна, которые в свое время позволили Европе сделать гигантский скачок в развитии, стали подвергаться сомнению и критике. Модерн становится проблемой для самого себя и требует переосмысления своих базовых оснований. Наступает ситуация кризиса классического модерна, которую отметил Д. Пойкерт.

---

¹ Peukert D. Die Weimarer Republik. Krisenjahre der klassischen Moderne. Frankfurt am Main, 1987. 313 s.

«Духовная ситуация времени», как ее обозначил великий современник той эпохи Карл Ясперс, привела к исключительному подъему духовных и интеллектуальных исканий в европейском обществе 1920–1930-х гг., что породило разнообразное множество взглядов, концепций, подходов и т.д. к действительности, зачастую, казалось бы, несовместимых друг с другом по своим мировоззренческим, политическим и т.д. основам. В интеллектуальном поле особенно напряженно кризис классического модерна переживали страны, которые в силу исторической специфики были вынуждены в ускоренном темпе проходить все ступени модерна.

Германия в их ряду является, пожалуй, наиболее характерным примером. Процессы нарастающей «модернизации» немецкого общества проходили достаточно интенсивно и охватили все ключевые этапы ее бурной истории конца XIX первой половины XX вв.: кайзеровский рейх, Веймарскую республику, Третий рейх. Спецификой «особого немецкого пути» (Sonderweg) было то, что в условиях так называемой «догоняющей модернизации» в духовном, общественно-политическом и социально-экономическом плане немецкое государство и общество оказались в различных, но существовавших одновременно социокультурных пластах. Учитывая особенность политической культуры Германии с ее явным преобладанием мировоззренческих и идейных консервативных установок, ситуация кризиса модерна вызвала особо острые противоречия в различных сферах жизни, которые спровоцировали невиданный подъем духовных и интеллектуальных исканий в германском обществе.

Немецкий консерватизм оказался в двойственном положении. С одной стороны, консерваторы стремились «подморозить» процесс модернизации или, по крайней мере, направить его в нужное для них русло, чем и занималась правящая элита германской империи. С другой, – консерваторы понимали, что сохранить традиции в прежнем состоянии не представляется возможным. По словам Ш. Бройера, несмотря на трудности и противоречия модернизации, немцы уже к концу XIX века были в целом буржуазной нацией, а принципы буржуазного политического сознания глубоко укоренились среди правящей элиты, в том числе и в ее консервативных кругах².

Напряжение между модернизмом и антимодернизмом в «сознании» германских консерваторов достигло своего пика в годы Веймарской республики, что привело в особо радикальных консервативных группировках к формированию своеобразного феномена «реакционного модерна» (термин, введенный в современную гуманитарную мысль американским историком и политологом Д. Херфом³), отличительной особенностью которого стало использование «модернистской манеры для утверждения непримиримого антимодернизма»⁴. Феномен

² Breuer S. Anatomie der Konservativen Revolution. Darmstadt, 1993. S. 23.

³ Herf J. Reactionary Modernism. Technology, culture and politics in Weimar and the Third Reich. Cambridge, 2003. 251 p.

⁴ Женин И. Между идеей и идеологией: политизация академического сообщества Германии в первой половине XX века // Логос. №1 (91). 2013. С. 142.

идеологии «консервативной революции» был пиком подобных умонастроений среди традиционалистских правых в Веймарской Германии.

В условиях краха идеологии традиционного германского консерватизма представители молодого поколения немецких консерваторов выступили против возвращения к традиционной форме консервативной идеологии и политики, что привело к появлению идеологии «консервативной революции», предпосылки которой формировались еще до войны. Парадокс «революционного консерватизма» заключался в стремлении его деятелей соединить, казалось бы, несовместимое. По словам Джеффа Эли, «то, что консервативная революция желала «сохранить», было уже «утрачено» (если оно вообще существовало, в чем можно было сомневаться), и, следовательно, должно было быть воссоздано»⁵.

Идеология немецкой «консервативной революции», с одной стороны, вобрала в себя идеологические клише германского консерватизма: национализм, антилиберализм, противопоставление немецкого народного духа и немецкой культуры ценностям западной цивилизации, поиск особого пути исторического развития Германии в русле «немецкого (прусского) социализма», идею корпоративного государства, бескомпромиссную борьбу против Веймарской республики, радикально усилив их. С другой, – была попыткой создания нового немецкого консерватизма и национализма радикального характера.

Идеологи «консервативной революции» вышли за рамки сословного консерватизма кайзеровского рейха и провозгласили возвращение к истинным ценностям германской истории и немецкого общества: культу вождя, корпоративному государству, авторитаризму, ответственности государства перед гражданином и, наоборот, единству нации и т.д. Проблема «реакционного (консервативного, правого) модерна» в «консервативной революции» неоднократно рассматривалась в гуманитарной мысли⁶.

Основная часть

В числе идеологов «консервативной революции» Освальд Шпенглер (1880–1936) занимает особое место. В его научном и публицистическом наследии отразились все этапы интеллектуальной эволюции германского консерватизма, который за короткое время пережил кайзеровский рейх, Веймарскую республику, Третий рейх. В его трудах отразились тектонические сдвиги в идеологии немецкого консерватизма на переломе эпох германской истории.

Автор одной из самых известных и дискуссионных культурно-исторической концепции в истории гуманитарной мысли XX столетия, нашедшей свое отражение в «Закате Европы», Шпенглер, как консерватор, выступал за сохранение традиций, но его консерватизм был иного рода, чем традиционный германский

---

⁵ Эли Д. Теории фашизма: проблемы интерпретации // Берегиня 777 Сова. 2014. № 4 (23). С. 31.

⁶ Терехов О.Э. «Консервативная революция» как феномен правого модерна в Веймарской республике в германской историографии // Вестник кемеровского университета. 2013. №2 (54). Т. 3. С. 146–150.

консерватизм кайзеровской эпохи. Он полагал, что старые традиции в его эпоху были уже в значительной мере утрачены. Традиция уступила место индивидуализму классов, слоев, индивидуумов.

Как и консерваторы XIX века, Шпенглер рассматривал общество как органическое целое, однако существенным отличием его представлений об обществе от традиционного консерватизма является отсутствие опоры на религию. Шпенглер являлся последователем Ницше, провозгласившим, что «Бог умер». Шпенглер отрицал влияние церкви на процесс формирования государственной политики. По его мнению, современное государство основано на принципе «воли к власти», а поэтому оно не нуждается в какой-либо божественной санкции.

Помимо «Заката Европы» к числу значительных политико-публицистических сочинений Шпенглера, написанных им в веймарский период и сыгравших заметную роль в формировании и развитии идеологии «консервативной революции», принадлежат: «Пруссачество и социализм» (1919 г.), «Новое здание немецкой империи» (1924 г.), «Годы решений» (1933 г.).

Д. Херф отмечает, что политические идеи Шпенглера находились на границе между прусскими консерваторами, опиравшимися на промышленность, юнкеров, армию и бюрократию, и послевоенными консервативными революционерами⁷. А. Михайловский полагает, что «воззрения Шпенглера характеризует диссонанс между ориентацией на традиционные ценности и пониманием невозможности их реального осуществления. Он ввел в критику эпохи новую позицию, не сводимую ни к чисто революционному, ни к чисто реакционному, ни к чисто прагматистскому умунастроению сохранения либерального статус-кво»⁸.

В этой связи позволим себе привести обширный отрывок из статьи современного германского исследователя К. Меккеля, в котором автор пытается сформулировать сущность философско-исторических и политических взглядов Шпенглера: «В своей критике культуры и человека, которая, помимо философии жизни, основывается также на социал-дарвинистских и антилиберальных позициях, Шпенглер глубоко проникает в сущность современного индустриального общества и массового производства. Несмотря на всю свою полемику с историческим романтизмом, в глубине души Шпенглер, тем не менее, симпатизирует доиндустриальной, крестьянско-почвеннической цивилизации. Он стал голосом консервативных кругов в составе правящей элиты, враждебно настроенных к Веймарской республике, хотя сотрудничество Шпенглера с национал-социализмом, конечно, не состоялось в силу его элитистских убеждений»⁹.

⁷ Herf J. *Reactionary Modernism. Technology, culture and politics in Weimar and the Third Reich*. Cambridge, 2003. P. 11

⁸ Михайловский А.В. *Философия техники Ханса Фрайера // Вопросы философии*. 2011. №3. С. 64.

⁹ Мёккель К. *Диагностика кризиса: Гуссерль против Шпенглера // Логос*. 2007. №6. С. 159–160.

Переход Шпенглера после 1918 года на позиции «консервативной революции» в конечном итоге приводит его в число ее ведущих идеологов. Уже в первом томе «Заката Европы» (1918), написанном в годы Первой мировой войны, он с позиции патриотично настроенного германского консерватора выстраивает грандиозную философско-историческую концепцию развития человечества.

В основе этой концепции находилась одна из центральных идей немецкой гуманитарной мысли – идея борьбы цивилизации и культуры. Шпенглер следует за традицией консервативной критики цивилизации, утверждая, что переход к цивилизации в политическом отношении есть переход от сословного порядка к современному массовому обществу, парламентской и партийной демократии. Парламентская демократия стала формой распада сословного порядка¹⁰. Установление парламентской Веймарской республики означало для Шпенглера крушение специфической прусской государственно-политической традиции. Мировая война показала, какие цивилизационные силы будут доминировать в мировой империи: англосаксонский капитализм или по-прусски организованный социализм.

Шпенглер, как казалось ему, нашел идейно-теоретическую основу обновления германского консерватизма в условиях краха европейской и немецкой культуры в синтезе пруссачества – традиционной идейно-политической доктрины немецкого консерватизма и социализма. Шпенглер был тем консервативным мыслителем, который не просто использовал прусско-немецкие ценности, а трансформировал их, исходя из современной ему политической ситуации, что в общественно-политических реалиях Веймарской республики позволило преобразовать немецкий консерватизм из охранительного в наступательное и динамичное политическое направление. Шпенглер после 1918 года оказался в ряду тех «молодых» германских консерваторов, которые придали немецкому консерватизму новую идейно-ценностную легитимацию.

Проблема определения и трактовки социализма являлась одной из основных в творчестве Шпенглера. В первом томе «Заката Европы» он попытался обосновать свое понимание этого духовного и политического феномена истории Запада XIX – XX вв. «Социализм есть ставшее иррелигиозным фаустовское жизненное чувство» – писал Шпенглер¹¹. Социализм в понимании Шпенглера являлся неким этическим кодексом фаустовского человека эпохи цивилизации, еще не растерявшего свою жизненную активность. Он отверг экономическую трактовку социализма и наполнил понятие «социализм» этическим содержанием. Шпенглер делает вывод о близости принципов этического социализма с прусским духом, основными чертами которого были: право на труд, долг и воля к власти. Таким образом, уже в первом томе «Заката Европы» содержались основные компоненты шпенглеровского понимания социализма.

¹⁰ *Sieferle R.P.* Die Konservative Revolution: fünf biographische Skizzen (Paul Lensch, Oswald Spengler, Ernst Jünger, Hans Freyer). Frankfurt am Main, 1995. S. 114–116.

¹¹ *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1: Гештальт и действительность М., 1993. С. 546.

В период существования Веймарской республики политическая философия Шпенглера, его концепция «пруссского социализма» приобрели свой законченный вид. Шпенглер был одним из первых представителей консервативного политического лагеря Германии, кто откликнулся на военное поражение Германии, Ноябрьскую революцию и установление буржуазно-демократической Веймарской республики. В его политическом эссе «Пруссачество и социализм» (1919 г.) были заявлены основные идеи и мотивы, формирующегося «консервативно-революционного» движения, о чем Шпенглер писал не без гордости¹².

В «Пруссачестве и социализме» Шпенглер выступил «одновременно как хранитель традиции и как провозвестник немецкой нации будущего»¹³. Социалистически обновленная прусская идея понималась не как потерпевшая крах, а как незавершенное призвание нации и выступала идейным противовесом новому германскому «веймарскому государству». «Пруссачество и социализм», как и все младоконсервативные сочинения того времени, преследовало двойную цель: прорыв к современности и разрушение демократии¹⁴. Г. Люббе, сравнивая две фундаментальные работы германской «консервативно-революционной» мысли «Пруссачество и социализм» и «Рабочего» Э. Юнгера, подчеркивает искреннее намерение их авторов сформулировать новый образ социализма. В книгах намечен проект «постмарксистского социализма как немецкой политической формации будущего»¹⁵.

Шпенглер начинает «Пруссачество и социализм» с утверждения о том, что необходимо «освободить немецкий социализм от Маркса, так иного не существует»¹⁶. Говоря о социализме как о начальной стадии цивилизации фаустовского культурно-исторического типа, Шпенглер исходил из концептуально-теоретических построений философии истории «Заката Европы»¹⁷. Идейный и смысловой посыл «Пруссачества и социализма» – трактовка Шпенглером исторической противоположности Пруссии и Англии.

Английский дух, исторический и политический опыт являются воплощением либерализма, прусский – дисциплины, солидарности и чувства долга. «Каждый за себя – это по-английски; все за всех – это по-пруски»¹⁸. Характерна в этой связи оценка Шпенглером возможностей демократии в Англии и Германии: «Демократия в Англии означает возможность для каждого стать богатым, в Пруссии же – возможность для каждого достигнуть высшей ступени общест-

¹² Spengler O. Politische Schriften. München, 1932. S. VII.

¹³ Патрушев А.И. Миры и мифы Освальда Шпенглера (1880–1936) // Новая и новейшая история. 1996. №3. С. 136.

¹⁴ Felken D. Oswald Spengler: Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur. München, 1988. S. 104.

¹⁵ Lübbe H. Oswald Spenglers «Preußentum und Sozialismus» und Ernst Jüngers «Arbeiter» // Der Fall Spengler / Hrsg. von A. Demandt, J. Farrenkopf. Köln Weimer, Wien, 1994. S. 137.

¹⁶ Шпенглер О. Пруссачество и социализм. М., 2002. С. 9.

¹⁷ Там же. С. 39.

¹⁸ Там же. С. 56.

венной лестницы»¹⁹. Противопоставляя прусский (немецкий) и английский дух, Шпенглер вводит в оборот свои знаменитые образы-символы тевтона (рыцаря-служителя ордена) и викинга (разбойника-добытчика).

Противоположны не только жизненные ценности, но и хозяйственный уклад немцев и англичан. От викингов произошел тип свободного торговца, от рыцаря – чиновника-администратора. Если немец чтит экономический авторитет государства, то англичанин в экономической деятельности надеется только на свои силы, что обусловило специфику немецкого и английского капитализма. Хозяйственный уклад, который называется капитализмом, достиг в Англии, по мнению Шпенглера, высшей степени развития. Копировать экономические и политические формы английского капитализма в Германии бессмысленно. На страницах «Пруссачества и социализма» Шпенглер неоднократно проводил мысль о том, что германский либерализм является карикатурой английского.

Жесткая критика Шпенглером традиций английского капиталистического этоса не случайна. Он, как и большинство «консервативных революционеров», был антилиберально и антикапиталистически настроен. Антилиберальные политические взгляды ведущих идеологов «консервативной революции» привели их к идее глубокого кризиса капитализма и буржуазного общества. Шпенглер полагал, что в системе «пруссачества» финансовый капитализм и марксизм должны быть в одинаковой мере преодолены.

Трактовка Шпенглером концепции «пруссачества» показывает, что он является сторонником и идеологом немецкой государственной бюрократии. Выступая за освобождение политики от экономики, борясь со всеми проявлениями либерализма и демократии, Шпенглер остался приверженцем основополагающей теории немецкого консерватизма – теории о роли «чистой политики» в истории, движимой отдельной волей великой личности. Но в эту теорию он внес новые нюансы о независимости государства не только от церкви, но и от экономики.

Влияние «Пруссачества и социализма» на становление консервативной и националистической идеологии в Веймарской Германии было значительно. Шпенглеру действительно удалось переосмыслить специфику немецкой политической культуры и истории. В книге были намечены возможные перспективы развития Германии с точки зрения антидемократических и консервативно-националистических политических сил. Шпенглер отверг результаты буржуазно-демократической Ноябрьской революции и призвал к свершению «национальной революции» с целью установления «пруссачества», который он понимал как некое «народное сообщество», направленное на служение государству и нации.

Если публицистическое эссе «Пруссачество и социализм» было написано Шпенглером как непосредственный отклик на текущие политические события, то во втором томе «Заката Европы» он обратился к философско-историческому

---

¹⁹ Там же. С. 71.

обоснованию своих консервативных политических взглядов²⁰. Основное место во втором томе заняли политические темы. Шпенглер, анализируя политическую историю, вновь вернулся к противопоставлению цивилизации и культуры через оценку роли в истории социальных сословий, которые, по его мнению, являются отображением метафизического момента в истории.

Создателями и носителями культуры в истории, по Шпенглеру, выступают дворянство и духовенство. Именно в этих двух сословиях сосредоточен смысл исторического процесса. Творческая сила дворянства вырастает из кровной связи с землей. Поэтому сама судьба и история предназначили дворянству руководство государством. Позитивно оценивает Шпенглер и крестьянство, которое как сословие кровно связано с землей и поэтому также является носителем культуры.

Шпенглер обращается к оценке места и роли государства в истории. «Всемирная история – история государств» – утверждал он²¹. Особенность консервативного понимания государства у Шпенглера состоит в его морфологическом подходе, в стремление рассматривать государство в исторической динамике. Государство для Шпенглера является естественной формой исторического существования народа, такой как для отдельного рода – семья. Народ и род выступают у Шпенглера «единицами» истории, причем род – это наименьшая, а народ – наибольшая единица в потоке истории.

Особенности государства определялись особенностями народа и культуры, в соответствии с этим государство понималось им как органический индивидуум, в котором единичная воля подчинялась общей. Проблема стабильности государства – это вопрос о его внутреннем авторитете, который зависел не от конституции, а от работы правительства и авторитета вождя²². Государственно-образующим сословием, по Шпенглеру, было дворянство, державшее государство «в форме». Таким образом, истинным порождением культуры и, соответственно, подлинным государством могло быть, по мнению Шпенглера, только сословное государство.

С наступлением цивилизации и приходом буржуазии к политической власти авторитет государства начинает падать. На место традиционного представления о государстве приходят партикулярные интересы, материальные ценности и власть денег. Наступает эпоха ненавистной Шпенглеру демократии с ее парламентаризмом и господством партийных интересов, коррупцией и манипуляцией общественным сознанием. Демократия – верный признак и начало упадка и гибели культуры. Для Шпенглера государственная мысль была тесно связана с личностью вождя. Демократические формы правления он понимал как проявление политической деградации.

---

²⁰ Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. М., 1998. 606 с.

²¹ Там же. С 385.

²² Eckermann K.E. Oswald Spengler und moderne Kulturkritik. Bonn, 1980. S. 40–41.

Прямым порождением демократии стал парламентаризм. Шпенглер считал парламентаризм «продолжением буржуазной революции иными средствами»²³. Парламентаризм лишен глубины и прошлого. Парламентская форма государственного правления создает иллюзию народного представительства, но в действительности центр тяжести большой политики смещается в сторону корпоративных интересов воротил финансовой олигархии.

С распадом парламентаризма государство в эпоху цивилизации вступает в свою заключительную стадию – стадию цезаризма; господства сильной харизматической личности, но лишенной культурно-исторической детерминации. «Цезаризмом я называю такой способ управления, который, несмотря на все государственно-правовые формулировки... бесформен по своему внутреннему существу» – характеризовал Шпенглер последнюю стадию существования государства в истории²⁴. Цезарь одновременно выступает могильщиком демократии, парламентаризма, либерализма и создателем мировой империи.

Во втором томе «Заката Европы» Шпенглер также трактует проблемы экономики. Исходя из принципа морфологического понимания жизни и истории, он пишет: «Экономическое мышление и деятельность – эта одна сторона жизни, получающая неверное освещение, стоит только начать рассматривать ее как самостоятельную разновидность жизни»²⁵. Тем самым он выразил сомнение в оправданности существования политической экономии как науки, особенно в ее английском варианте. В своем подходе к объяснению экономической жизни Шпенглер следует традициям консервативной немецкой школы национальной экономики, которая выводила специфику экономической жизни из национально-исторических традиций народов. Он углубляет подобный подход и в своей виртуозной морфологической оточенности доводит его до логического завершения, формулируя в чеканном тезисе «всякая экономическая жизнь есть выражение душевной жизни»²⁶, отношение «консервативных революционеров» к проблемам экономики. Шпенглер выступил с претензией на то, что его взгляды на экономику находятся по ту сторону капитализма и социализма. Политика и экономика – две стороны космического потока истории.

Второй том «Заката Европы», «Пруссачество и социализм» и ряд других публицистических работ Шпенглера (самая значительная из них эссе 1924 года «Новое здание германской империи») вошли в число классических текстов «нового» немецкого консерватизма в Веймарской республике, в которых нашли свое отражение его основные мифологемы, а сам Шпенглер стал влиятельнейшей фигурой в кругах германских консерваторов Веймарской республики. Идеальный ангажемент Шпенглера способствовал его вхождению в элитарный круг политиков и промышленников, мечтавших о ликвидации веймарской де-

---

²³ Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. М., 1998. С. 441.

²⁴ Там же. С. 459.

²⁵ Там же. С. 496.

²⁶ Там же. С. 498.

мократии, таких как один из ведущих промышленников Германии Гуго Стиннес, медиамагнат Альфред Гугенберг, главнокомандующий рейхсвером генерал Ганс Сект.

Впрочем, сам Шпенглер избегал причислять себя к какому-либо направлению немецкого консерватизма в Веймарской республике, предпочитая занять позицию «над схваткой». Он разрабатывает планы возможного государственного устройства после свержения Веймарской республики. Существуют данные, свидетельствующие об его участии в подготовке государственного переворота в Баварии, который планировался в конце 1922 года²⁷. Несмотря на политическую ангажированность и активное участие в идейно-политической полемике первых лет существования Веймарской республики, Шпенглер довольно быстро разочаровался в своих возможностях оказывать влияние на реальную политику. В середине 1920-х годов он вновь уходит в «чистую» науку.

Интерес к политике пробуждается у Шпенглера в начале 1930-х годов, когда Германия вновь оказалась на историческом повороте. Мировой экономический кризис, наметившийся распад Версальско-Вашингтонской системы международных отношений вновь поколебали устои мировой политики. В общественном сознании немцев наступило время торжества идей «консервативной революции». Сам термин, окончательно введенный в оборот в политическое, культурное и повседневное пространство Германии известным поэтом Гуго фон Гофманшталем в 1927 году и популяризованный одним из ведущих идеологов младоконсерватизма Э. Юнгом в начале 1930-х годов²⁸, стал восприниматься как призыв к грядущей «национальной революции», которая должна уничтожить Веймарскую республику и стать толчком для нового возрождения немецкого рейха.

Последняя значительная работа Шпенглера «Годы решений», вышедшая из печати летом 1933 года, спустя несколько месяцев после прихода Гитлера к власти, наполнена тревогой относительно будущего западной цивилизации и Германии²⁹. «Годы решений» стали итогом эволюции исторической и политической мысли Шпенглера. Основные идеи книги отразили глубокий пессимизм Шпенглера относительно перспектив германской и мировой политики. Возможно, Д. Фелькен был и прав, когда указывал на то, что «Годы решений» следует воспринимать как важнейший идейно-политический источник постепенной трансформации правого германского консерватизма на последней стадии существования Веймарской республики в национал-социалистическое мировоззрение. Книга показывает, как далеко удалилась «консервативная революция» от своих изначальных идейно-духовных истоков³⁰. Хотя, как нам представляет-

²⁷ *Koktanek A.M.* Oswald Spengler und seiner Zeit. München, 1968. S. 287–290.

²⁸ *Jung E.J.* Deutschland und der konservative Revolution // Deutsche über Deutschland. Die Stimme des unbekanntenen Politikers. München, 1932. S. 369–383.

²⁹ *Шпенглер О.* Годы решений. М., 2006. 240 с.

³⁰ *Felken D.* Op. cit. S. 195.

ся, нельзя проводить прямую параллель между идеологией «консервативной революции» и национал-социализмом.

Темой «Годов решений» еще раз выступила проблема заката Европы, но на сей раз не в форме отвлеченных философско-исторических размышлений, а в форме анализа конкретной политической ситуации, сложившейся в мире и Германии за годы после завершения первой мировой войны. Шпенглер констатирует: «Мы вступили в эпоху мировых войн»³¹. И это естественное состояние истории, ибо «история человечества есть история мировых войн»³².

Шпенглер скорбит о разрушении старой Европы – Европы Меттерниха и Бисмарка, Европы династических национальных государств. Два вида опасностей угрожают Западу. «Белая революция», под которой Шпенглер понимал безудержное господство рационализма, парламентаризма, демократии в общественном сознании, государственных и политических институтах Запада. «Старые, достопамятные формы государства лежат в руинах. Им на смену пришел бесформенный парламентаризм...»³³. Вторая опасность связана с возвышением «цветных» народов, к числу которых Шпенглер относил и Россию. Он пророчествовал о грядущей «цветной» революции, направленную на уничтожение белой расы.

Ненависть и отвращение Шпенглера в отношении социализма, либерализма, капитализма в «Годах решений» поистине вселенского масштаба. Значительная часть книги посвящена критике «белой революции», под которой Шпенглер понимал торжество идеи классово-борьбы – главного духовного и политического оружия либерализма и социализма. Исходя из такого видения истории Запада, он вновь, как и в 1919 году, уравнивает рабочий социализм и либерализм. «Между экономическим либерализмом и социализмом не существует противоречия» – пишет Шпенглер³⁴. В этом контексте для Шпенглера капитализм, либерализм, марксистский социализм, большевизм – суть проявления одного и того же феномена – цивилизационного распада культуры. Цивилизация полностью вытеснила культуру в истории Запада.

В «Годах решений» Шпенглер вернулся к проблеме «прусского социализма». Рассуждая о «прусском социализме», он сетует на то, что подлинный замысел «Пруссачества и социализма» так и не был понят немцами, на то, что, за истекшие после выхода книги годы, марксистское понимание социализма продолжает господствовать в сознании немцев³⁵. Он вновь утверждает, что «прусская идея направлена как против финансового либерализма, так и против рабочего социализма»³⁶. Шпенглер опять повторил свое понимание социализма как некоей нравственной жизненной формы, не имеющей ничего общего с экономи-

³¹ Шпенглер О. Годы решений. М., 2006. С. 36.

³² Там же. С. 23.

³³ Там же. С. 127.

³⁴ Там же. С. 161.

³⁵ Там же. С. 160.

³⁶ Там же. С. 164.

ческими и социальными проблемами. Прусский стиль означает, по мнению Шпенглера, приоритет политики (прежде всего внешней) над экономикой.

История предоставила Шпенглеру еще одну возможность включиться в реальную политику. На этот раз его авторитет оказался востребован национал-социалистами как один из факторов легитимации нацистского режима³⁷. Проблема взаимоотношения Шпенглера с национал-социализмом вписывается в общий контекст проблемы отношения «революционных консерваторов» к нацизму³⁸. Интеллектуальное соперничество между двумя направлениями немецкого радикального консерватизма продолжалось на всем протяжении Веймарской республики. Попытки Гитлера привлечь к сотрудничеству с нацистской партией видных деятелей «консервативной революции», в частности А. Меллера ван ден Брука, окончились неудачей.

Отношение «консервативных революционеров» к идеологии национал-социализма, а затем к политической практике Третьего рейха было изначально противоречивым. С одной стороны, они, как и национал-социалисты, стремились к ликвидации «системы Веймара», Версальского мирного договора, возрождению немецкой нации в форме «народного сообщества». С другой – «консервативные революционеры» свысока относились к нацистскому движению с момента его зарождения, отмечая его плебейский характер. Претензия «консервативных революционеров» на духовную и политическую элитарность, на некий «духовный аристократизм» вызывало раздражение национал-социалистов, которые отнюдь не стремились признать за «консервативными революционерами» идеологическое первородство в деле «национальной революции» в Германии. Кроме того, свою отрицательную роль сыграла тоталитарная практика нацистского режима. «Консервативные революционеры» являлись сторонниками авторитарной модели государства.

В течение 1933 года видные деятели Третьего рейха несколько раз обращались к Шпенглеру с просьбой публично поддержать нацистский режим (в частности Геббельс). Однако, несмотря на то, что в ходе парламентских и президентских выборов 1932 года Шпенглер голосовал за нацистскую партию, он отказался от публичной поддержки режима. В этой связи была характерна личная встреча и беседа Шпенглера и Гитлера на вагнеровском фестивале в Барейте. Собеседники так и не поняли друг друга. Он не увидел в национал-социализме проект прусского социализма. Можно выделить другие важные моменты, отличающие политические взгляды Шпенглера от идеологии национал-социализма:

---

³⁷ См. подробнее: *Koktanek A.M.* Spenglers Verhältnis zum Nationalsozialismus in geschichtlicher Entwicklung // *Zeitschrift für Politik* 1966. B. 13. S. 33–55; *Vollnhals C.* Oswald Spengler und Nationalsozialismus. Das Dilemma eines konservativen Revolutionärs // *Jahrbuch des Instituts für Deutsche Geschichte*, Tel Aviv 13, 1984. S. 263–303; *Гергилов P.E.* О. Шпенглер и Третий рейх // *Клио*. 2007. №2. С. 33–40; *Артамошин С.В.* О. Шпенглер и «консервативная революция» в Германии // *Вопросы истории*. 2009. №6. С. 148–154.

³⁸ *Терехов О.Э.* Феномен «консервативной революции» в историографии ФРГ: основные концепции и проблемы интерпретации. Кемерово, 2011. 192 с.

культурный пессимизм, отсутствие принципа «народности», небиологическое понимание расы.

Более того, воспринимая с раздражением массовый, народный характер нацистского движения, Шпенглер в «Годах решений» выступил с осторожной критикой политической практики нацистов. С осени 1933 года начинается кампания против Шпенглера в нацистской печати, а с 1934 года имя Шпенглера перестает упоминаться в средствах массовой информации. События 30 июня 1934 года, так называемой «ночи длинных ножей», когда были уничтожены некоторые друзья Шпенглера из лагеря консерваторов, наглядно продемонстрировали, что его дальнейшая критика нацистского режима могла стоить ему жизни.

Выводы

Политические взгляды Шпенглера прошли эволюцию, характерную для идеологии германского «революционного консерватизма» в Веймарской республике от ее более умеренно-авторитарных форм до формирования праворадикальных тенденций близких к идеологии национал-социализма, что было довольно типично для представителей «реакционного модерна» в германском консерватизме в годы кризиса классического модерна. Начав с подведения нового философского (в данном случае философско-исторического) базиса «Заката Европы» под идеологию германского консерватизма после катастрофы 1918 года, Шпенглер в последующем напрямую обратился к политической публицистике, рассчитывая с ее помощью воздействовать на общественное мнение.

Р. фон Буше отмечает двойственность влияния Шпенглера на консервативную мысль и консервативное движение в Веймарской республике. С одной стороны, большая часть консерваторов отказалась принять пессимистическую культурфилософию Шпенглера, с другой – политические выводы, сделанные Шпенглером из констатации факта заката Европы, были исключительно положительно восприняты в консервативных кругах Веймара³⁹. Нельзя также отрицать и того факта, что концепция «прусского социализма» Шпенглера оказала значительное влияние не только на становление политических идей «консервативной революции», но и в целом немецкого консерватизма в Веймарской республике.

Список литературы

1. *Артамошин С.В.* О. Шпенглер и «консервативная революция» в Германии // Вопросы истории. 2009. №6. С. 148–154.
2. *Гергилов Р.Е.* О. Шпенглер и Третий рейх // Клио. 2007. №2. С. 33–40.
3. *Женин И.* Между идеей и идеологией: политизация академического сообщества Германии в первой половине XX века // Логос. 2013. №1 (91). С. 122–143.

³⁹ *Bussche R. von dem.* Konservatismus in der Weimarer Republik: die Politisierung des Unpolitischen. Heidelberg, 1998. S. 148.

4. *Меккель К.* Диагностика кризиса: Гуссерль против Шпенглера // Логос. 2007. №6. С. 147–175.
5. *Михайловский А.В.* Философия техники Ханса Фрайера // Вопросы философии. 2011. №3. С. 62–72.
6. *Патрушев А.И.* Миры и мифы Освальда Шпенглера (1880–1936) // Новая и новейшая история. 1996. №3. С. 122–144.
7. *Терехов О.Э.* Феномен «консервативной революции» в историографии ФРГ: основные концепции и проблемы интерпретации. Кемеровский государственный университет. Кемерово: ОО ПК «Офсет», 2011. 192 с.
8. *Терехов О.Э.* «Консервативная революция» как феномен правого модерна в Веймарской республике в германской историографии // Вестник кемеровского университета. 2013. №2 (54). Т. 3. С. 146–150.
9. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1: Гештальт и действительность М.: Мысль, 1993. 663 с.
10. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. М.: Мысль, 1998. 606 с.
11. *Шпенглер О.* Пруссачество и социализм. М.: Праксис, 2002. 240 с.
12. *Шпенглер О.* Годы решений. М.: Скимень, 2006. 240 с.
13. *Эли Д.* Теории фашизма: проблемы интерпретации // Берегиня 777 Сова, 2014. № 4 (23). С. 22–40.
14. *Breuer S.* Anatomie der Konservativen Revolution. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1993. 315 s.
15. *Bussche R. von dem.* Konservatismus in der Weimarer Republik: die Politisierung des Unpolitischen. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1998. 428 s.
16. *Eckermann K.E.* Oswald Spengler und moderne Kulturkritik. Bonn: Univ., Diss., 1980. 315 s.
17. *Felken D.* Oswald Spengler: Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur. München: Beck, 1988. 232 s.
18. *Herf J.* Reactionary Modernism. Technology, culture and politics in Weimar and the Third Reich. Cambridge: University Press, 2003. 251 p.
19. *Jung E.J.* Deutschland und der konservative Revolution // Deutsche über Deutschland. Die Stimme des unbekanntenen Politikers. München: Albert Langen, 1932. S. 369–383.
20. *Koktanek A.M.* Spenglers Verhältnis zum Nationalsozialismus in geschichtlicher Entwicklung // Zeitschrift für Politik. 1966. B. 13. S. 33–55.
21. *Koktanek A.M.* Oswald Spengler und seiner Zeit. München: Beck, 1968. XXVII. 523 s.
22. *Lübbe H.* Oswald Spenglers «Preußentum und Sozialismus» und Ernst Jüngers «Arbeiter» // Der Fall Spengler / Hrsg. von A. Demandt, J. Farrenkopf. Köln Weimer, Wien: Böhlau, 1994. S. 129–151.
23. *Peukert D.* Die Weimarer Republik. Krisenjahre der klassischen Moderne. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1987. 313 s.
24. *Sieferle R.P.* Die Konservative Revolution: fünf biographische Skizzen (Paul Lensch, Oswald Spengler, Ernst Jünger, Hans Freyer). Frankfurt am Main: Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1995. 250 s.
25. *Spengler O.* Politische Schriften. München: Beck, 1932. XII. 337 s.
26. *Vollnhals C.* Oswald Spengler und Nationalsozialismus. Das Dilemma eines konservativen Revolutionärs // Jahrbuch des Instituts für Deutsche Geschichte, Tel Aviv 13, 1984. S. 263–303.